

А.А. Белоус

Иркутский государственный университет

**Ранний Достоевский и психоанализ.
Взгляд А. Бема**

Аннотация: Анализируется применение психоанализа к раннему творчеству Достоевского, предпринятое А.Л. Бемом в 1929 году в его исследовании «Достоевский. Психоаналитические этюды». Работа впервые напечатана в эмигрантском сборнике «О Достоевском» под редакцией того же Бема. Исследование А.Л. Бема раздвигает границы познания Ф.М. Достоевского, прежде всего за счет включения «реконструирования психического типа» личности самого Достоевского, поэтому интересно всмотреться в методологические источники, питающие мысль Бема.

Study is made of the application of psychoanalysis to the early Dostoevsky's works undertaken by A.L. Boehm in 1929 in his research paper «Dostoevsky. Psychoanalytic Studies». The work was first published in the emigrant collected papers «On Dostoevsky», edited by Boehm himself. A.L. Boehm investigation expands the range of the knowledge of Dostoevsky, primarily due to the inclusion of «reconstructing the mental type» of the personality of Dostoevsky himself. Hence it is of interest to scrutinize the methodological springs that feed Boehm's mind.

Ключевые слова: Достоевский, Бем, психоанализ, реконструирование психического типа, актуализация личностного уровня восприятия.

Dostoevsky, Boehm, psychoanalysis, mental reconstruction of the type, updating personal perception.

УДК: 8.09:159.964.2 Достоевский

Контактная информация: Иркутск, ул. Карла Маркса, 1. ИГУ, кафедра русской и зарубежной литературы. Тел. (3952) 242238. E-mail: voloshnikova@rambler.ru.

К 1930-м годам использование психоанализа при разборе художественных текстов Достоевского (И.Д. Ермаков, П.С. Попов в Москве, Н.Е. Осипов в Праге, сам З. Фрейд, давший оценку «Братьям Карамазовым») проявило себя неоднозначно, зачастую привнося искажение смыслообразующих идей наследия писателя. «...Наступило время, – пишет Бем, – когда необходимо поставить известные границы применению метода психоанализа в литературоведении. Задача эта ложится в первую очередь на специалистов – историков литературы» [Бем, 2001, с. 249]. Бесспорным завоеванием Бема как литературоведа является непосредственное обращение к носителю «творческого духа» – личности Достоевского. Бем пытался понять, как преломляется категория автора в его ранней повести «Хозяйка» с позиций психоанализа [Бем, 2001]. Новаторство ученого в том, что он впервые приложил психоаналитический метод не только к художественному наследию Достоевского, но и к самому автору.

По мнению Бема, в литературоведении постепенно происходил процесс обезличивания, когда художественное произведение рассматривалось без всякой связи с сознанием и подсознанием автора (метафизики сознания Бем не касался). Значение работы Бема видится в том, что предпринятый эксперимент представля-

ет собой еще один шаг в направлении разгадки тайны личности великого писателя и использования ее в синтезе с другими формами анализируемого материала для объективирования искомой художественной истины. С другой стороны, статья Бема, написанная в 1929 году, конечно, представляет собой некий вызов утвердившимся к тому времени установкам в литературоведении Советской России, в которых личность автора программно дезавуировалась.

Подход Бема отвечает специфике гуманитарного познания: поиск единичного и уникального на фоне общего и закономерного [Николаенко, 2006]. Бем показывает, что при анализе нельзя терять уникальное в творчестве писателя, иначе можно утратить сам предмет исследования. Такая постановка задачи требует актуализации личностного уровня восприятия исследователя, то есть со-участия, сопереживания, со-понимания с автором. Подход Бема – попытка соответствовать этому требованию. С другой стороны, характер творчества Достоевского как откровения отвечает названной цели, ориентируя на постижение его глубинных основ. Отношение к творчеству писателя как драгоценному, неповторимому жизненному опыту – такими словами можно охарактеризовать аналитический подход А. Бема. Воспринять его во всей полноте и целостности можно только с определенной степенью вживания в материал – литературоведение не может быть бесстрастно. «Бема безошибочно вело ощущение особой природы созданной именно Достоевским эстетической реальности», – пишет еще один исследователь [Викторович, 2008, с. 59].

Рефлексия исследователя в условиях выбранной аксиологии (системы ценностей) осуществляется на том или ином уровне. Конечной целью литературоведения должно быть обретение универсального уровня анализа, на котором ученый демонстрирует высший «художественный инстинкт». Он позволяет ему ощутить индивидуальность писателя со всех сторон – духовной, нравственной, психологической, – то есть ощутить феномен единства творчества писателя. Уровень эстетический и есть тот синтетический уровень, связывающий все виды творческого опыта, в том числе и личный, запечатлевающий себя стилистически. Этот уровень вскрывает ценностно-смысловые ориентиры писателя («последние истоки личности»), наследует его «основную эстетическую интуицию», интонирующую художественное пространство [Бем, 2001]. «Только на этом пути возможно вскрыть движущие силы творческого акта в его конкретной постановке для каждого отдельного писателя. Но при этом нам придется неизбежно прибегнуть к помощи самых общих законов психической силы. Встреча с психоанализом, дающим эти последние обобщения, на этом пути неизбежна» [Бем, 2001, с. 253]. При этом «возникают большие методологические трудности... Если прибегать к творчеству как к материалу для реконструкции, то... получается порочный круг: на основании творчества мы воссоздаем личность, а потом, исходя из личности, вновь объясняем творчество» [Бем, 2001, с. 252]. Бем отдавал себе отчет, что проекция индивидуальности автора на его творение отнюдь не прямая: «...Я хочу лишь подчеркнуть, что в конкретно данном произведении психический мир автора предстает не в чистом виде, а в уже переработанном, согласно законам творчества... Поэтому всякое заключение от психологии автора к произведению, равно как и обратно – от произведения к авторской психологии, без учета деформирующей силы творчества, ошибочно» [Бем, 2001, с. 251].

В соответствии с воззрениями М. Бахтина эстетико-литературные явления не только отображают жизненную реальность в формах литературы и искусства, но и являются одним из фундаментальных экзистенциально-онтологических оснований самой этой жизненной реальности. По его мнению, эстетическая деятельность собирает «рассеянные смыслы мира» и создает для «преходящего» эмоциональный эквивалент и ценностную позицию, с которыми «преходящее» в мире обретает ценностный событийный вес, причастный бытию и вечности. Таким образом, в эстетические категории писатель переводит саму реальность [Дьяконов,

2006]. У него в эстетических категориях сознание запечатлевает все самые острые противоречия сознания. (Стоит вспомнить размышления Дмитрия Карамазова об идеале Мадонны и идеале содомском). Эстетика вскрывает глубину противоречивости человеческой природы, ее раздвоение. Это уровень духовного постижения действительности. Ее откровения далеко не полностью исчерпываются сферой сознания и подсознания. Метафизики (Чижевский, к примеру) присоединяет еще и надсознание. Без сомнения, Бем приблизился к пониманию направленности творческой воли писателя, предложив такие понятия, как «психотип автора», «образ автора», заявив ту сложность, в которой она формируется. В конечном итоге, подобная система воззрений апеллирует к системе научных ценностей, в которой вызревает более гибкая форма обогащения научными знаниями, соответствующая природе гуманитарного познания (эмпатия, диалог). Сложность феномена автора полностью наследует сложность человека как такового, создающего свое единство с Творцом. Сам Достоевский, по мнению А.Г. Гачевой, «апологет цельного знания, которое истекает из Божественного Логоса и в корне противоположно плоской и ничего не доказывающей “арифметике”» [Гачева, 2008, с. 77].

Сознание, подсознание, сверхсознание в равной мере способны обогащать художественный мир произведения. Поэтому аналитик, занимающийся эстетическим уровнем, должен быть во всеоружии, то есть должен понимать ориентиры творчества писателя. Нельзя, например, утверждать, что сам А. Бем, при рассмотрении генезиса творчества Достоевского, абсолютно не уделяет внимания идеям. В статье «“Пиковая дама” в творчестве Достоевского» он пишет: «Достоевский был необычайно чуток к чужому литературному воздействию. Возбудителем его художественной восприимчивости было, однако, не столько само литературное произведение, сколько круг идей, скрытых в нем» [Бем, 2007, с. 436]. Этот акт подмечает и М. Магитова: «Бема интересует в связи с общим интересом к личности Достоевского и логика зарождения и развития его идей, содержательная сторона которых становится, по его мнению, главным формообразующим началом творчества Достоевского... Не подлежит сомнению, что Достоевский в своем творчестве не только высвобождал путем объективации свои внутренние конфликты, но связывал также творческие итоги с определенными идейными заданиями» [Бем, 2007, с. 560]. Однако, как пишет исследователь, «идея лежит не вне произведения, а заложена в нем самом, имманентна ему...» [Бем, 2001, с. 251]. Другое дело, что «в отдельных случаях идейная сторона является только надстройкой над индивидуально-психической потребностью самовыявления и самовысвобождения в творческом акте», – отмечал ученый [Там же, с. 129]. «Я думаю, в “Хозяйке” налицо именно такое, довольно резкое расхождение между творческим и авторским замыслами произведения. Уже в самом построении “Хозяйки” чувствуется некоторая неестественность идейного ее обоснования» [Там же, с. 321]. С другой стороны, для литературоведов очевидно, что «пока мы при нашем анализе ограничиваемся только процессами, разыгрывающимися в сфере нашего сознания, основные эстетические вопросы остаются неразрешимыми» [Ранк, 1999, с. 3]. И это понимал Бем, который отмечал, что при анализе творчества писателя «можно исходить из того, что личность (“я” в широком смысле слова) далеко не целиком отображена в поле сознания. Скорее, она озарена сознанием только в незначительной своей части» [Бем, 2001, с. 259]. Применительно к повести «Хозяйка» ученый исследует фантазмагорическую художественную реальность (сновидения, галлюцинации, видения) произведения, во многом пренебрегая «идейными заданиями» автора, поэтому выводы Бема по названным причинам все же могут быть отнесены преимущественно к разряду частных и двойственных по интерпретации.

Вопрос об истоках творчества всегда был полемическим. Исследователю надлежит овладеть диалектикой материала. Решающее значение – за его мировоззрением, так как именно это обеспечит конгениальность с автором, диалог с ним.

Однако этого недостаточно – необходима «соприродность» художника и его исследователя [Бердяев, 2000]. По мнению Викторovichа, именно она помогла Бему разглядеть в Достоевском, в частности, «гениального читателя», сновидца и духовидца [Викторovich, 2008, с. 56]. Каким образом при исследовании учесть духовную и душевную природу творца, его индивидуальность, которая обеспечивает «единство творчества», то же время не покинуть «материку» – конкретного содержания произведения – эту задачу и пытался решать Бем, используя психоанализ. Решил он ее не в полной мере, так как, обходя мирозерцание автора, не вполне восприняв «идейные задания» автора, он не достиг полной конгениальности с ним. При разборе позднего Достоевского, где духовная проблематика главенствует, психоанализ уже не казался исследователям привлекательным.

Бем сделал упор на реконструкции «психического типа» писателя. Она стала для него научной проблемой, испытанием метода психоанализа в литературоведении. При реконструкции не должна быть утрачена цельность знания, поэтическая индивидуальность писателя (последние истоки личности), пронизывающие его творения единым духом. Какой емкостью должен обладать аналитический метод, чтобы отвечать этому требованию, не приходится доказывать. Метод должен быть редуцирован к индивидуальности (творческому духу), как к своему предмету, при этом он должен апеллировать как к эстетическому, так и к автобиографическому и метафизическому уровням. Метод должен быть концептуальным, адекватным материалу, с резервом возможностей, соответствующим его сложности, многоплановости. Он, в некотором смысле, должен быть отражением мирозерцания самого исследователя. Отвечает ли психоанализ данным требованиям? Вопрос риторический. Бем хорошо понимал ограниченность его возможностей и ставил перед собой скромную задачу обозначить границу, до которой они простираются.

Анализируя раннее творчество Достоевского, Бем видел материалом для него «душевный мир писателя», «накопленный им психический опыт», а высшим обретением на этом пути – «психотип» автора. Как утверждал В.А. Викторovich, Бем занимался «реконструированием “психического типа”» личности писателя [Викторovich, 2008, с. 56]. «Сделайте еще шаг в обобщении – посмотрите на творчество Достоевского как на стремление утвердить свое идеальное “я” над “я” индивидуальным, учтите силы, тормозящие это стремление, вытекающий отсюда пафос борьбы, и целый ряд явлений чисто художественно-стилистических станет вам ясным», – делится своими открытиями Бем [Бем, 2001, с. 254–255]. «Нет буквально ни одной области науки о духе, где психоанализ не отразился бы на более углубленном изучении явлений, сюда относящихся» [Там же, с. 246]. Очевидно, что это утверждение спорно, если психоанализ понимать по-фрейдовски, то есть лишь как анализ «темных глубин подсознания».

Бем использует психоанализ для «препарирования» чисто психоаналитических проблем, таких как «двойничество», «эдипов комплекс», «ущемленность» и т. п., хотя другие исследователи (Чижевский), писавшие о Достоевском в те же годы, видели, например, в «двойничестве» серьезную онтологическую проблему. Один из конкретных выводов Бема, вытекающих из приложения психоаналитического метода: «Достоевский раннего периода – снотворец» [Там же, с. 254]. Что это означает для Бема как историка литературы? Это значит, что Достоевский в своем раннем творчестве сознательно или бессознательно использовал «механизм снотворчества и галлюцинативного состояния», что Бем постарался показать на примере анализа «Хозяйки». Еще один аспект приложения метода у Бема – использование «теории вдохновения» как «излучения надиндивидуального психического содержания в индивидуальное сознание» при анализе «научно-поэтической» работы Ордынова в «Хозяйке» [Там же, с. 241]. При желании примеры можно продолжить.

Признавая значение категории автора, он предостерегает от рационализма тех исследователей, которые в подходе к художественному произведению предпочитают биографический метод. «Опираясь на современное понимание задач литературоведения, мы можем сразу отграничить его от психоанализа, как и от всякого психологизма. Ведь при таком понимании науки о литературе автор, а вместе с ним и его психический мир вынесены за произведение, лежат вне его конкретной данности» [Бем, 2001, с. 254]. И далее поясняет: «Я не так наивен, чтобы вовсе элиминировать личность художника, но я хочу лишь подчеркнуть, что в конкретно данном произведении психический мир автора предстоит не в чистом виде, а в уже переработанном, согласно законам творчества, виде» [Там же, с. 251]. Это говорит о том, что он признает автономию эстетической реальности. «Душевный мир художника, накопленный им психический опыт и самая психическая структура его души являются только материалом для творчества...» [Там же].

Феномен личности автора Бем рассмотрел в аспекте психотипа. Однако действительно ли подобный шаг направлен к объективному знанию? По мнению Чижевского, вовсе нет. В науке и в самой жизни постепенно «произошла, собственно говоря, подмена объекта изучения. Под словом человек... стали понимать наименее человеческое в человеке – его материальное бытие» [Чижевский, 1996, с. 236]. Случилось то, что вывело личность из безграничного пространства (антропологии) в ограниченное (социологию, психологию).

Бем был абсолютно убежден, что вне категории автора целостный анализ произведения невозможен. Но в какой форме он должен совершаться, ведь автор раскрывается во всех сферах жизни? Замысел представляет сферу идей – значит, наиболее прочно связан с работой сознания, с идейной составляющей произведения. Исследователь здесь вправе обратиться к биографическим сведениям. Но путь к замыслу всегда индивидуален. Иными словами, занимаясь исключительно идеями, можно упустить телеологию, а это самое важное, и для этого Бем формулирует понятия «образа писателя» и соответствующей ему «литературной биографии» [Бем, 2001, с. 252]. Однако биографический метод грешит рационализмом, материализует объект. Применительно к религиозному художнику нужно говорить о духовной аксиологии. Бем же пытался максимально ограничить свой объект, учитывая личность автора в виде «психотипа». Когда мы говорим о душе, мы говорим о субъекте, когда о «психотипе» – об объекте. Наиболее адекватным способом для получения научных выводов будет диалог с субъектом. У Бема диалога с субъектом-автором не произошло.

Литература

Бем А. Достоевский. Психоаналитические этюды // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочаров; предисл. и комм. С.Г. Бочарова и И.З. Сурат. М., 2001.

Бем А. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский: Пушкин и Достоевский // Вокруг Достоевского: В 2 т. М., 2007. Т. 1: О Достоевском: сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема; сост., вступ. ст. и коммент. М. Магитовой.

Викторович В.А. Из истории достоевсковедения. А.Л. Бем // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Межд. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения / Сост., науч. ред. М.А. Василева. М., 2008. С. 54–75.

Гачева А.Г. Работы А.Л. Бема о Достоевском и религиозно-философская достоевистика // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Межд. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения: 16–18 нояб. 2006 г. / Сост., науч. ред. М.А. Василева. М., 2008. (Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Материалы и исслед-я. Вып. 9).

Дьяконов Г.В. Диалогийная концепция эстетики и литературоведения М.М. Бахтина // Соціальна психологія. 2006. № 6 (20). С. 35–46. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x3070.htm> (дата обращения: 13.03.2013).

Николаенко Е.В. Гуманитарное исследование в психологии / сост. А.А. Измайлова, Е.В. Николаенко. Новосибирск, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.nstu.ru/source?bib_id=vtls000059606aуp.ru/.../4379 (дата обращения: 25.03.2013).

Ранк О. Эстетика и психология художественного творчества // Психология художественного творчества: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. Минск, 1999. С. 5–21.

Чижевский Д. И. Достоевский-психолог // Ф.М. Достоевский. Бесы: роман в 3-х ч.: «Бесы»: антология русской критики / Сост., подг. текста, послесл., коммент. Л.И. Сараскиной. М., 1996.